

А.М. Фомин*

БРИТАНСКАЯ ПОЛИТИКА И СТРАТЕГИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В 1941 ГОДУ: ТРИ ВОЙНЫ «К ВОСТОКУ ОТ СУЭЦА»

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

После разгрома Франции нацистской Германией летом 1940 г. Великобритания осталась один на один с рейхом. Она выдержала первый акт «битвы за Англию», но вести полномасштабную войну на континенте не могла. В этих условиях особое значение приобретала защита позиций в Средиземном море и на Ближнем Востоке. Именно изучению борьбы Великобритании за Ближний Восток в 1941 г. посвящена данная статья. В ней предпринята попытка последовательно проанализировать три эпизода этой борьбы (в Ираке, Сирии и Иране), вписав их в контекст общей логики германо-британского противостояния в рассматриваемый период.

Как подчеркивает автор, потенциальное утверждение германской гегемонии на Ближнем Востоке сделало бы почти безнадежной оборону Суэца, крайне затруднило бы сообщение с Индией и дало бы рейху доступ к неисчерпаемым запасам топлива. Реализации этого, катастрофического для Великобритании, сценария способствовали антианглийские настроения части ближневосточных политических и военных элит. В этих условиях правительство У. Черчилля перешло к решительным действиям. В статье подробно рассмотрены операции Великобритании в Ираке и Сирии. При этом особое внимание уделено сложной динамике отношений британского кабинета с режимом Виши и движением «Свободная Франция». Как отмечает автор, особой напряженностью характеризовались вопросы, связанные с определением будущей судьбы Сирии и Ливана, предоставлением им независимости. В случае с Ираном на первый план выходила выработка общей позиции с Советским Союзом. Угроза роста германского влияния в регионе, а также необходимость установления еще одного канала поставок союзной помощи в СССР способствовали тому,

* *Фомин Александр Михайлович* — кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: almif@list.ru).

что стороны быстро пришли к согласию. После совместной англо-советской военной операции в августе–сентябре 1941 г. Иран был поделен на зоны оккупации. Наконец, отдельно в статье рассмотрена позиция Великобритании в отношении нейтралитета Турции. Автор заключает, что в результате описанных военных операций на Ближнем Востоке был создан своеобразный «временный режим» британского доминирования. Однако никуда не исчезло англо-французское и англо-советское соперничество, к которому добавилось растущее присутствие на Ближнем Востоке Соединенных Штатов. Все это закладывало базу для новых конфликтов уже в послевоенный период.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Великобритания, Ближний Восток, Ирак, Сирия, Иран, У. Черчилль, Ш. де Голль, Виши, «Свободная Франция», ленд-лиз, колониализм, нейтралитет.

Один на один с Гитлером: битва кита со слоном

После разгрома Франции вермахтом летом 1940 г. единственным реальным противником гитлеровской Германии на протяжении целого года оставалась Великобритания. Отбросив идею «мира по соглашению», правительство У. Черчилля не оставило себе иного выбора, кроме затяжной борьбы с врагом «на истощение». Флот и авиация, как показала «битва за Англию», защищали Туманный Альбион от прямого вторжения сухопутных армий Третьего рейха, но англичане ничем не могли помешать установлению безраздельной германской гегемонии на Европейском континенте. Как и в прежние века, Англия была не способна вести полноценную сухопутную войну без помощи «континентального солдата», который принял бы на себя основную тяжесть сражений на твердой земле. В этих условиях война превращалась в традиционную «битву кита со слоном», исход которой не мог быть решен, пока один из противников не нашел бы себе надежного союзника во «враждебной» стихии.

В ожидании лучших времен Великобритания могла сосредоточиться только на «периферийной» войне — защите своих позиций в Средиземноморье и на Ближнем Востоке, которые оказались под серьезной угрозой после вступления в конфликт Италии за считанные дни до капитуляции Франции. Сами по себе итальянцы не представляли для Лондона серьезной угрозы: на Африканском Роге и в Киренаике британские войска уже в начале 1941 г. одержали над ними впечатляющие победы, а на Балканах даже попытка захватить Грецию обернулась для Б. Муссолини унижительным поражением. Однако сама логика развития конфликта неизбежно вела к прямому

вовлечению в средиземноморские дела Германии, вынужденной помогать своему неудачливому союзнику. Появление в Северной Африке сравнительно небольшого Африканского корпуса Э. Роммеля резко изменило ситуацию на этом фронте и спасло итальянцев от полного разгрома. Провал итальянского нападения на Грецию делал практически неизбежным вторжение Германии на Балканы, которое и было осуществлено в апреле 1941 г. Таким образом, для Великобритании в тот момент стало критически важным удержание контроля над странами Восточного Средиземноморья и Ближнего Востока, лежавшими в промежутке между Североафриканским и Балканским театрами военных действий. Угроза потери англичанами своих позиций в Ближневосточном регионе была в тот момент реальной, как никогда ранее. Причем дело было не только в перспективе прямого вторжения рейха на эти территории, но и в опасности установления там германской гегемонии без боя, выражаясь современным языком, с помощью одной только «мягкой силы». Ведя завоевательную политику в Европе, Германия вполне могла предстать на Ближнем Востоке под личиной «освободителя» стран региона от влияния британского империализма.

1941 г. стал временем стремительного развития событий на ближневосточном направлении. Именно в тот период был принципиально решен вопрос, какая из двух коалиций будет контролировать регион до конца войны. Три эпизода британской борьбы за Ближний Восток в 1941 г. (в Ираке, Сирии и Иране) по отдельности неоднократно становились предметом исследований. В советской историографии иракский и сирийский эпизоды традиционно рассматривались как подтверждение «империалистического» характера войны со стороны Великобритании на начальном ее этапе. Действия Лондона в этом контексте представляли как борьба за сохранение завоеванных ранее позиций британского империализма (Ирак) и как стремление к вытеснению из региона Франции — своего старого конкурента (Сирия)¹. Участие СССР в иранском эпизоде по понятным причинам делало такую интерпретацию затруднительной, поэтому в советской историографии ему уделялось сравнительно мало внимания. Лишь

¹ Наибольший вклад в изучение данной проблематики в отечественной историографии внесли исследователи уральской школы историков-международников из Свердловска/Екатеринбурга. Она была основана в 1960-х годах И.Н. Чмпаловым. Кроме него интересующей нас проблематикой занимались такие историки этой школы, как В.Н. Грак и А.Г. Чевтаев, а также (в отношении более раннего периода «Странной войны») В.А. Бабинцев. Названия их работ, затрагивающих нашу тему, приведены в списке литературы к статье.

с недавнего времени отечественные исследователи стали подходить к политике всех держав антигитлеровской коалиции, используя более «реалистические» (т.е. характерные для школы «политического реализма») понятия защиты национальных интересов, которые определяются не социальным и политическим строем государства, а таким объективным фактором, как его положение в системе международных отношений [см., например: Голуб, 2015; Kozhanov, 2012].

Распространенная проблема, обсуждаемая в исторических работах, — оправданность силовых акций Великобритании на Ближнем Востоке с точки зрения не только формального международного права (оно, совершенно очевидно, во всех трех случаях было нарушено), но и объективных интересов Лондона и его союзников — соответствия принятых жестких мер реальным угрозам. В связи с этим неизбежно возникает вопрос о разграничении «причин» и «предлогов» каждой из силовых акций. Однако, как и во всех подобных случаях, ответ на него зависит от субъективной позиции каждого автора [Beaumont, 1981; Cox, 1987; De Wally, 2006; Eshraghi, 1984; Gaunson, 1987]. При этом, как уже было отмечено, исследователи, как правило, рассматривают только какой-то один из эпизодов британского «ближневосточного блицкрига» 1941 г. В немногочисленных обобщающих работах по международным отношениям на Ближнем Востоке авторы в большинстве случаев сосредоточиваются на изложении фактической стороны событий, в силу специфики жанра уделяя основное внимание наиболее «захватывающим» подробностям [Barr, 2011; Destremau, 2011].

В настоящей работе мы воздержимся от участия в дискуссии об оправданности отдельных силовых акций Великобритании. Вместо этого мы попытаемся свести эти события воедино и рассмотреть их в контексте общей британской стратегии во Второй мировой войне.

Война на распутье

Весна 1941 г. началась для англичан далеко не обнадеживающе — с впечатляющих успехов стран «оси», которые они, правда, так и не смогли закрепить. В Северной Африке на помощь итальянцам пришел «Лис пустыни» Э. Роммель, начавший 24 марта мощное наступление в Киренаике. За несколько недель англичане потеряли плоды почти всех побед над Италией и были отброшены к ливийско-египетской границе. В тылу у Э. Роммеля остался осажденный порт Тобрук с англо-австралийским гарнизоном. Перейти границу немцам не позволил недостаток ресурсов. Берлин не мог направить

серьезное подкрепление, так как войска были нужны для других операций [Фуллер, 1956: 145–148].

Судьба Средиземноморья теперь зависела от положения на Балканах. У Черчилль еще с Первой мировой войны проявлял большой интерес к этому региону — он представлялся ему «мягким подбрюшьем», через которое удобно наносить болезненные или даже смертельные удары по врагам Великобритании в центре Европы. Однако на сей раз англичан ждало фиаско, пожалуй, еще более унижительное, чем Галлиполийская кампания 1915–1916 гг. В апреле вермахт молниеносным ударом разгромил Югославию и Грецию, выйдя к берегам Эгейского моря. Небольшой британский экспедиционный корпус, направленный в помощь грекам, в серьезные столкновения с немцами так и не вступил и вел только арьергардные бои, прикрывая собственное отступление и эвакуацию [Фуллер, 1956: 138–145]. А. Гитлеру удалось не допустить создания нового «Салоникского фронта» накануне войны против СССР. Попытка британцев закрепить на Крите также закончилась провалом спустя месяц после захвата континентальной Греции. Эгейское море целиком оказалось под контролем «оси».

Для Германии весна 1941 г. теоретически могла стать моментом стратегического выбора между «русским» и «ближневосточным» направлениями экспансии. В руководстве рейха не было единства мнений на этот счет. С одной стороны, план «Барбаросса», который начали разрабатывать еще летом, был 18 декабря 1940 г. утвержден фюрером. С другой стороны, военно-морской штаб во главе с адмиралом Э. Редером еще в сентябре 1940 г. предложил другой, «южный» вариант: наступление на Египет с выходом в Палестину и далее «вплоть до Турции, если бы это было необходимо» [Чевтаев, 1979: 87–89]. Затем путь лежал на Ирак к нефтяным месторождениям. В это время под прямым контролем Германии был только один крупный источник нефти — в Румынии, и его для растущих потребностей рейха было явно недостаточно. Только быстрая победа на Востоке и прорыв к нефтяным скважинам Баку могли обеспечить Германию необходимым «черным золотом». Любая задержка в этой кампании была бы фатальной, поэтому план Э. Редера мог представляться вполне разумной альтернативой. Адмирал призывал фюрера «расширять сеть наших баз на западном побережье Африки, если сможем получить согласие Франции. При ее активном содействии и при помощи Италии мы могли бы контролировать все Средиземноморье, а также все африканское побережье вплоть до Суэцкого канала. Торговые пути Англии, связывавшие ее через Средиземно-

морье с Индией, были бы перерезаны. И таким же образом мы могли бы включить Северную Африку в европейскую торговую систему, которой жизненно необходимы африканские поставки для обеспечения Европы. Контроль над Средиземноморьем стал бы также и средством давления на Россию, заставив ее быть крайне осторожной при вынашивании каких-либо враждебных планов против нас, а это устранило бы всякую необходимость военных действий на севере против Советов»². Последнее соображение, правда, Э. Редер мог добавить уже постфактум, работая над мемуарами. Схожий план был представлен А. Гитлеру 7 марта 1941 г. в меморандуме главы политического департамента МИД Э. Вёрмана, составленном по указанию И. Риббентропа. План предполагал удар по Турции со стороны Болгарии с последующим выходом в сторону Сирии и Ирака. Для этого нужно было заручиться поддержкой арабских националистов в этих странах, убедив их в необходимости совместной борьбы против Англии [Грак, 1972: 167–169].

Однако подобные планы не имели шансов на реализацию. А. Гитлер в принятии ключевых решений руководствовался прежде всего собственной интуицией, до тех пор его не подводившей. Он ни на минуту не сомневался в необходимости скорейшего нападения на СССР, поэтому предпочел договориться с Турцией, а не пробивать через нее дорогу на Ближний Восток. 17 марта фюрер получил из Анкары заверения, что Турция останется нейтральной при вторжении германских войск на Балканы, т.е. она фактически отказывалась выполнять свои обязательства по отношению к Англии по договору 1939 г. [Грак, 1972: 169–170]. Адмиралу Э. Редеру, снова пытавшемуся возражать, А. Гитлер заявил, что «нынешняя политическая ситуация и намерения России вмешаться в балканские дела делают необходимым устранить этого последнего противника на континенте до того, как мы сможем сконцентрировать наши усилия на Англии»³.

Очевидно, в Лондоне догадывались, а может, и были осведомлены о существовании альтернативного «южного» плана, и даже малейшая вероятность его реализации не сулила Британской империи ничего хорошего [Грак, 1972: 170]. Именно с этой ситуацией связан один из самых дискуссионных вопросов истории Второй мировой войны. В советской историографии еще в 1960-е годы было высказано предположение, что весной 1941 г. между Великобританией и Германией

²Редер Э. Воспоминания командующего ВМФ Третьего рейха. 1935–1943 гг. М., 2004. С. 403.

³Там же. С. 406.

было достигнуто негласное «взаимопонимание», согласно которому англичане без сожаления отдавали в руки Гитлера весь Балканский полуостров, чтобы он смог сосредоточиться на подготовке нападения на СССР. В этом контексте британские экспедиции в континентальную Грецию и на Крит представляются лишь маневром с целью не допустить преждевременной и «сепаратной» капитуляции греков, а с военной точки зрения они сознательно обрекались на поражение. Германия в свою очередь гарантировала неприкосновенность ближневосточных владений Великобритании, а буфером между двумя империями должна была служить нейтральная Турция. Историки, которые придерживаются такой точки зрения, не приводят прямых доказательств этого сговора между Берлином и Лондоном, основывая свои выводы только на косвенных данных [см., например: Чемпалов, 1968: 108–109; Чевтаев, 1982: 82–83; 103–104.]. Мы не беремся здесь подтверждать или опровергать это предположение, однако нам представляется очевидным, что главным фактором, который помешал Германии развернуть наступление на Ближний Восток, несмотря на все успехи в Северной Африке и на Балканах, была подготовка к осуществлению плана «Барбаросса», требовавшая максимальной концентрации сил против СССР. Операции на Ближнем Востоке планировалось развернуть только после успешной реализации этого плана⁴. Впоследствии, в марте 1944 г., А. Гитлер жаловался в беседе с Лени Рифеншталь, что незапланированная балканская кампания весной 1941 г., предпринятая для помощи итальянцам, отняла у него драгоценное время, которого спустя полгода ему не хватило для разгрома СССР до начала зимних холодов⁵.

Неблагоприятное для англичан развитие событий на Балканах и в Северной Африке делало особенно уязвимыми их позиции в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке. Потенциальное утверждение германской гегемонии в этом регионе сделало бы почти безнадежной оборону Суэца, крайне затруднило бы британские коммуникации с Индией и другими заморскими владениями и дало бы рейху доступ к практически неисчерпаемым запасам топлива. Очевидно, что Лондон не мог допустить подобного развития событий, при этом для такого сценария весной 1941 г. имелись серьезные предпосылки. Сирия и Ливан находились тогда под властью фран-

⁴ Директива № 32. Подготовка к периоду после осуществления плана «Барбаросса». Верховное командование вооруженных сил. 19.06.1941 // Дашичев В.И. Стратегия Гитлера. Путь к катастрофе. 1933–1945. Исторические очерки, документы и материалы: В 4 т. Т. 3. М., 2005. С. 158–161.

⁵ Рифеншталь Л. Мемуары. М., 2006. С. 168.

цузского режима Виши, который сам был во всем послушен Берлину. В Ираке прогерманские настроения были сильны среди части военно-политической элиты молодого государства, и в апреле 1941 г. именно эта часть оказалась у власти. Правительство Ирана видело в Германии долгожданного «третьего союзника», который помог бы ему ослабить традиционные «объятия» двух непосредственных соседей: Британской империи и России. Все это подтолкнуло правительство У. Черчилля к решительным действиям весной и летом 1941 г., в результате которых надежный британский контроль над этим регионом был восстановлен и уже не подвергался сомнению до самого конца войны.

Ирак: изгнание «золотого квадрата»

Первый удар британского «ближневосточного блицкрига» пришелся на Ирак, который согласно подписанному в 1930 г. договору с Великобританией получил формальную независимость уже в 1932 г. и был принят в Лигу Наций как суверенное государство. Таким образом, он стал первой страной, в которой держава-мандатарий выполнила свой «священный долг цивилизации» по подготовке к полной независимости, закрепленный в ст. 12 Устава Лиги Наций. Однако по договору 1930 г.⁶ Великобритания оставляла в Ираке свои военные объекты (базы ВВС в Хаббании и Шуайбе) и могла использовать территорию страны для транзита военных контингентов. Британское доминирование сохранялось также благодаря многочисленным экономическим, политическим и военным советникам. Впрочем, на практике степень влияния Лондона на иракские дела обычно определялась фигурой, стоявшей во главе правительства. Годы правления короля Гази (1933–1939) прошли под знаком постоянной борьбы проанглийской партии, руководимой Нури Саидом, и более националистически настроенной группы во главе с Рашидом аль-Гайлани. Их противостояние продолжилось и после загадочной гибели Гази в автокатастрофе весной 1939 г., когда государство возглавил двоюродный брат покойного короля Абд эль-Илах в качестве регента при малолетнем короле Фейсале II.

В начале апреля 1941 г. в Ираке произошел переворот, во главе которого стояли группа из четырех военных, получившая прозвище «золотой квадрат», и Р. аль-Гайлани, возглавивший новое правительство. В результате переворота от власти были отстранены регент

⁶Anglo-Iraqi Treaty of 1930 // Wikisource. Available at: https://en.wikisource.org/wiki/Anglo-Iraqi_Treaty (accessed: 22.06.2020).

Абд эль-Илах и весь прежний кабинет министров, который с января фактически находился под контролем Нури Саида. Это был далеко не первый переворот в недолгой истории молодого иракского государства. Однако, поскольку свергнутая политическая клика была откровенно проанглийской, У. Черчилль с первого дня убедил себя, что имеет дело с антибританской провокацией, организованной из Берлина. В этом, конечно, была доля правды, но только доля. Население Ирака восприняло переворот с энтузиазмом — как начало национальной революции против английского засилья. И в Лондоне, и в Каире большинство британских политиков и военных были решительно против силового вмешательства в иракские дела и старались убедить У. Черчилля пойти на переговоры с новым правительством. Главнокомандующий британскими силами на Ближнем Востоке генерал А. Уэйвелл, только что отправивший свои лучшие части в Грецию, прямо заявлял, что для третьего фронта у него войск просто нет. У. Черчилль, однако, был непреклонен. Свободные войска для смены иракского режима нашлись в Индии. В апреле они начали прибывать в Басру якобы для дальнейшей переброски в сторону Палестины. Когда в мае стало очевидно, что это лишь надуманный предлог, иракские власти сами пошли на обострение ситуации. В Багдаде было блокировано здание британского посольства, а база британских королевских ВВС Хаббания была взята в кольцо осады иракской армией.

Очевидно, что У. Черчилль в тот момент рассматривал Ирак как нового германского сателлита вроде Венгрии или Румынии. Однако в самой Германии так не считали. После начала военной конфронтации с англичанами правительство Р. аль-Гайлани стало отчаянно добиваться германской помощи, но Берлин не торопился ее оказывать. Роль посредника взял на себя бывший германский посол в Ираке Фриц фон Гробба — личность в известном смысле легендарная: до войны в его руках находились едва ли не все нити германской политики на Ближнем Востоке. Дипломат убеждал свое руководство оказать действенную помощь Ираку, прежде всего поставками вооружений и боеприпасов, но положительного ответа долго не было. Ситуация с каждым днем становилась все более критической. Англо-индийские войска, не встречая сопротивления, продвигались вдоль Тигра и Евфрата, а из Трансиордании на помощь гарнизону Хаббании пришел Арабский легион. После снятия осады был сформирован объединенный англо-арабский отряд («Хабфорс»), который после скоротечного столкновения с иракскими войсками у Эль-Фалуджи стремительно двигался к Багдаду. Лишь в середине

мая в иракский Мосул прибыл немецкий авиационный отряд из 24 самолетов с иракскими опознавательными знаками. 23 мая А. Гитлер издал военную директиву № 30 о военной поддержке Ирака⁷. В сторону Мосула через Турцию отправились эшелоны с германским и итальянским вооружением (преимущественно легким стрелковым оружием), кроме того, немцы заставили французское правительство Виши согласиться на передачу иракцам части арсеналов французских войск в Сирии. Однако к тому моменту английская операция уже близилась к завершению. Никакой реальной помощи иракским «революционерам» Германия оказать не могла, и к концу мая британские силы взяли под полный контроль все стратегически важные пункты Ирака. Р. аль-Гайлани и другие «путчисты» бежали в Иран, а в Багдаде к власти вернулись регент и Нури Саид, который с октября вновь получил и формальные полномочия премьер-министра [Климентов, 2001: 49–53]. В краткосрочной перспективе лояльность Ирака по отношению к Великобритании была обеспечена, однако иракцы не забыли, что правительство Нури вернулось в Багдад на английских штыках [Destremau, 2011: 61–123].

Сирия: с французами и против французов

Иракская «опереточная» война дала толчок еще одному конфликту в Ближневосточном регионе, который был столь же скоротечным, но значительно более кровопролитным и вызвал серьезные последствия еще до окончания мировой войны. В ходе англо-иракского конфликта германские самолеты летели в Ирак через французскую Сирию, где они совершали промежуточные посадки для дозаправки. Более того, как мы уже говорили, по требованию А. Гитлера правительство Виши приказало направить иракским «революционерам» оружие с французских складов в Сирии. Этого было более чем достаточно, чтобы убедить У. Черчилля военным путем избавиться от ставленников Ф. Петена на Ближнем Востоке. Но англичане не были бы англичанами, если бы не подумали сразу о будущем страны. Простая замена вишистов голлистами в Сирии Лондон не устраивала.

В секретном меморандуме, который глава Форин Офис А. Иден представил военному кабинету 27 мая 1941 г., говорилось: «В том, что касается Сирии <...>, я рекомендую, чтобы “свободные французы” получили шанс склонить ее на нашу сторону. Если вдруг станет ясно, что “свободные французы” не желают выступить с

⁷ Директива № 30 «Средний Восток». 23.05.1941 // Дашичев В.И. Указ соч. Т. 2. С. 569–571.

декларацией, обещающей независимость Сирии и Ливана <...>, мы должны чувствовать себя свободными вернуться от “свободных французов” к сирийским арабам. Затем мы должны сами издать декларацию, обещающую независимость Сирии. Это можно сделать одновременно с британским наступлением. Не должно быть непреодолимых препятствий в установлении независимого арабского правительства в Сирии <...>. Такое государство не сможет выжить в одиночку, и его независимость будет предварительно гарантирована его соседями — Великобританией и Турцией»⁸. Вряд ли можно было более откровенно подтвердить извечные французские подозрения о наличии у англичан своекорыстных планов в отношении Сирии. Но А. Иден пошел еще дальше: он предполагал возможность включить эту страну в обширную «Арабскую федерацию» из дружественных или подконтрольных Лондону стран региона, но в то же время передать Турции район Алеппо, чтобы заручиться ее безоговорочной поддержкой в войне⁹.

Вопрос о привлечении Турции к участию в будущей сирийской кампании вызвал оживленные дискуссии в британском руководстве. У Черчилль и А. Иден были горячими сторонниками этой идеи, считая возможным «расплатиться» с турками за счет северных областей Сирии. Однако практически все британские представители на местах, а также руководители профильных департаментов Форин Офис были категорически против. По их мнению, такая уступка безнадежно испортила бы отношения Великобритании с арабами, а разбуженные турецкие «аппетиты» потом крайне сложно было бы ограничить: за Алеппо могли последовать претензии на Мосул. Как бы то ни было, эта идея была оставлена после того, как первый осторожный зондаж в Анкаре, предпринятый британским послом, показал, что турки не намерены ввязываться в военные действия даже ради очень соблазнительных территориальных приобретений [Olmert, 1987: 437–452]. Руководство Великобритании, оставив политические вопросы на будущее, пока решило сосредоточиться на непосредственных военных задачах.

8 июня сирийскую и ливанскую границы перешли британские войска (на самом деле, по большей части австралийские и индийские), а также первая дивизия «Свободной Франции» (на тот момент — практически все сухопутные силы голлистов) [Destremau, 2011: 125–165].

⁸ Memo by A. Eden. May 27, 1941 // The National Archives. Cabinet Papers. Cab/66/16/39.

⁹ Ibidem.

Ш. де Голль надеялся, что вишисты не окажут серьезного сопротивления, а солдаты и офицеры с радостью примкнут к «свободным французам». Он оказался неправ. Верховный комиссар Сирии и Ливана генерал А. Дентц, получив из Виши приказ сопротивляться всеми силами, ни минуты не колебался в своей решимости его исполнять, а французская «Армия Леванта», которая накануне войны готовилась сражаться бок о бок с англичанами, беспрекословно подчинилась своему командующему и встретила недавних союзников огнем. Бои в Сирии и Ливане были ожесточенными, но кратковременными. После упорных сражений на оборонительных рубежах у южных границ Сирии и Ливана (8–13 июня) вишисты даже смогли перейти в контрнаступление на отдельных участках (14–22 июня) [Gislain de Bontin, 1985: 273–275], однако шансов на стратегический успех у них не было. Англо-голлистские войска (примерно 60 тыс. человек) почти вдвое превосходили по численности силы генерала А. Дентца. 20 июня был взят Дамаск. Вскоре на помощь основным британским силам, наступавшим с юга, пришли войска со стороны Ирака, только что принимавшие участие в английском вторжении в эту страну. Парадоксальным образом успеху англичан в Сирии способствовал их новый провал в Северной Африке. Наступление против Э. Роммеля с целью деблокировать Тобрук (операция «Боевая секира»), начатое 15 июня, захлебнулось через двое суток. Часть «освободившихся» войск А. Уэйвелл приказал срочно перебросить в Сирию. Вскоре оборона вишистов фактически сконцентрировалась на дальних подступах к Бейруту. На подкрепление им рассчитывать не приходилось: небольшой контингент войск, направленный на помощь А. Дентцу по приказу Ф. Дарлана, пересек по железной дороге всю Европу, но застрял в Салониках. Турция не разрешила транзит через свою территорию, а морской путь был перерезан британским флотом, базировавшимся на Кипре [De Wailly, 2006: 336–441]. Положение генерала А. Дентца и его армии становилось безнадежным. 12 июля боевые действия были прекращены, а через два дня подписано перемирие, фактически означавшее капитуляцию вишистов. Операция обернулась потерей примерно 7000 британских и голлистских солдат и офицеров. Потери вишистов составили около 2600 человек, в том числе 800 убитыми [Gislain de Bontin, 1985: 275]. Для сравнения: в Ираке британская армия потеряла не более 60 человек.

Успех сирийской операции означал установление практически полного британского господства в арабских странах к востоку от Суэца. У. Черчилль впоследствии так описывал ее значение: «Успешная кампания в Сирии значительно улучшила наше стратегическое

положение на Среднем Востоке. Она закрыла дверь для всяких дальнейших попыток проникновения врага на восток из района Средиземного моря, отодвинула на 250 миль к северу нашу оборону от Суэцкого канала и избавила Турцию от тревоги за ее южную границу. Теперь в случае нападения на нее Турция могла быть уверенной в помощи дружественной державы <...>. Операции в Ираке, на Крите, в Сирии и Западной пустыне <...> велись одновременно и влияли друг на друга, создавая в своей совокупности ощущение кризиса и осложнений. Тем не менее можно утверждать, что конечным результатом была, в сущности, хотя и не по виду, несомненная важная победа английских и имперских армий на Среднем Востоке. Заслуга в этом принадлежит нашим властям в Лондоне и Каире»¹⁰.

Важность этой кампании заключается не только в военно-стратегических изменениях, которые она вызвала, но и в политических вопросах, которые она породила. Англичанам пришлось иметь дело сразу с двумя проблемами: отношениями между французами, верными Ф. Петену, и «свободными французами», а также между последними и лидерами арабских националистов в Сирии и Ливане.

Эти подмандатные территории оставались в подвешенном состоянии с начала 1939 г., когда Франция отказалась ратифицировать договоры с ними, подписанные тремя годами раньше¹¹. Администрация Виши, разумеется, не собиралась идти навстречу арабам. Ш. де Голль понимал, что завоевать симпатии сирийцев можно, только пообещав им нечто гораздо большее, чем злосчастный договор 1936 г. 8 июня, в день начала сирийской кампании, генерал Ж. Катру опубликовал от имени «Свободной Франции» декларацию о том, что после войны французский мандат будет прекращен, а страны Леванта получат независимость [Оганесян, 1968: 41–43]. Правда, практическое осуществление этого решения и вывод французских войск откладывались на неопределенный срок. Англичане поспешили объявить себя «гарантами» будущей независимости Сирии и Ливана. Как выяснилось позже, «свободные французы» вкладывали в обещание независимости совсем иной смысл, нежели англичане или арабы, поэтому неудивительно, что после разгрома войск Виши в июле 1941 г. страны Французского Леванта превратились в арену постоянных и весьма жестких столкновений между представителями «Свободной Франции» и британским военным командованием.

¹⁰Черчилль У. Вторая мировая война: В 3 кн. Кн. 2. Т. 3. Великий союз. М.: Воениздат, 1991. С. 150–151.

¹¹Vienot P. Le traité franco-syrien. Paris: Imprimerie F. Jalloux, Rocroi, 1939.

В ходе сирийской кампании командование вишистских войск категорически отказывалось иметь дело со своими соотечественниками-голлистами, которых они считали предателями [Barq, 2011: 221]. Англичане пошли навстречу вишистам и даже не пригласили представителей «Свободной Франции» к подготовке перемирия. По его условиям солдаты и офицеры «Армии Леванта» подлежали репатриации во Францию, если они не пожелают примкнуть к Ш. де Голлю. Однако голлисты никак не могли влиять на их решение. Разоруженная армия размещалась в нескольких лагерях, где ждала отправки домой. Представители голлистов в эти лагеря доступа не получили и вынуждены были вести пропаганду среди своих соотечественников только с помощью листовок и звукоусилителей. Из более чем 30-тысячной армии на сторону Ш. де Голля перешли, по разным данным, от 5500 до 7000 человек. Сыграли свою роль лояльность французов «законному» правительству в Виши, а также опасения за оставшиеся во Франции семьи. Эвакуация солдат и офицеров «Армии Леванта» на родину затянулась до конца сентября. В Марселе их встречали как героев, а генерал А. Дентц даже устроил по этому случаю парад [Грак, 1984: 122].

Условия перемирия между англичанами и войсками Виши, «которое выглядело так, словно Дентцу предлагали передать Сирию Англии»¹², вызвали резкое недовольство Ш. де Голля. Он срочно отправился в Каир, где уже 21 июля встретился с О. Литтлтоном, британским министром-резидентом на Ближнем Востоке. Первое объяснение прошло на повышенных тонах. Генерал угрожал вывести войска «Свободной Франции» из-под оперативного подчинения британскому штабу, если условия перемирия не будут изменены. Хотя это был очевидный блеф (движение во всем зависело от британских спонсоров), англичане пошли на компромисс. Было заключено соглашение между Ш. де Голлем и О. Литтлтоном. Оно было оформлено как обмен нотами по вопросу «интерпретации» перемирия с вишистами в Сирии, но содержание документа выходило за эти узкие рамки¹³. Фактически он устанавливал порядок управления Сирией и Ливаном до конца войны. Гражданская власть в них передавалась «Свободной Франции», под ее командование переходили местная полиция, служба безопасности и «специальные войска» — военные формирования из местных жителей, которые были прообразом

¹² Де Голль Ш. Военные мемуары: В 2 т. Т. 1. М., 1957. С. 214.

¹³ L'accord Lyttelton-de Gaulle, le 27 juillet 1941 // The Middle East and North Africa in world politics / Ed. by J.C. Hurewitz. New Haven; London: Yale, 1979. P. 578–580.

будущих сирийской и ливанской армий. Должность представителя «Свободной Франции» в Леванте вскоре занял генерал Ж. Катру. Он имел те же полномочия, что и прежние верховные комиссары. Военная власть сохранялась за британским командованием, оно получало право держать там свои войска до конца войны, но Лондон заявлял об отсутствии у него политических планов в отношении этих стран [Оганесян, 1968: 41–44]. Как показал дальнейший опыт, разграничить гражданское и военное управление на практике было крайне сложно, и соглашение не устранило англо-французских противоречий.

Как и всякий компромисс, соглашение не устраивало в полной мере ни одну из сторон. Ш. де Голль был убежден, что под предлогом военной необходимости англичане делали все возможное, чтобы вытеснить Францию из Леванта и установить над этим регионом свой контроль. Живым воплощением такой политики стал британский генерал и дипломат Э. Спирс. Изначально он испытывал большую симпатию к Ш. де Голлю, будучи личным представителем У. Черчилля при лидере «Свободной Франции». Э. Спирс приехал на Ближний Восток вместе с генералом, но здесь высокомерие и «империализм» Ш. де Голля заставили британского дипломата изменить свое мнение о нем. Когда Э. Спирс оказался в Бейруте, У. Черчилль назначил его своим представителем в регионе. До конца войны Э. Спирс уже в качестве британского посланника прилагал максимальные усилия, чтобы подорвать французское присутствие в Леванте, устанавливая широкие связи с местными национальными лидерами. Ш. де Голль в свою очередь не нашел ничего лучше, как назначить на прежние должности многих чиновников-вишистов, поскольку в его организации не было нужного числа компетентных управленцев. Это, разумеется, никак не способствовало повышению престижа Франции среди арабов [Barr, 2011: 224–227]. У. Черчилль полностью одобрял действия Э. Спирса в отношениях с французами, и именно Сирия стала поводом для первого серьезного конфликта между британским премьером и генералом Ш. де Голлем.

Очень быстро скрытые противоречия проявились и на местах. Ш. де Голль в своих мемуарах приводил многочисленные факты в подтверждение этого. Так, в районе Джазира на северо-востоке Сирии английские власти препятствовали французскому эмиссару в формировании вооруженных отрядов из местных жителей (преимущественно ассирийцев-христиан). В сирийской пустыне командир Арабского легиона англичанин Дж.Б. Глэбб агитировал местных бедуинов в пользу трансйорданского эмира Абдаллы, своего номинального начальника, тем же занимались английские агенты в

области Хауран на юге страны. Наконец, в области Джебель-Друз дело едва не дошло до вооруженного конфликта между союзниками. Вошедшая в регион английская бригада заняла административное здание в главном городе эс-Суэйде, спустив французский флаг и подняв британский. В ответ Ж. Катру по согласованию с Ш. де Голлем направил туда французскую колонну с целью восстановить прежнее положение и принять командование над эскадронами друзов, которые англичане переподчинили себе. Британский командующий генерал Г. Вильсон потребовал отозвать колонну, Ш. де Голль отказался. Офицеры двух держав на месте уже готовы были «драться». Дело шло к новой Фашоде в разгар войны с общим врагом. До этого, однако, не дошло.

Англичане уступили и вскоре покинули Джебель-Друз, однако Г. Вильсон недвусмысленно заявил, что намерен объявить чрезвычайное положение и взять в свои руки всю полноту власти. Ш. де Голль ответил, что «Свободная Франция» этого не признает. Для того чтобы найти решение, из Каира в Бейрут срочно прибыл О. Литтлтон, который 7 августа после переговоров с лидером «свободных французов» письменно подтвердил отказ Великобритании от политических притязаний в Леванте. Только после этого Ж. Катру смог приступить к восстановлению французской администрации¹⁴ и одновременно — сирийского правительства. Вместе с тем под давлением англичан 27 сентября 1941 г. Ж. Катру подтвердил свою декларацию от 8 июня о намерении Франции предоставить Сирии и Ливану независимость [Оганесян, 1968: 46]. Не кто иной, как У. Черчилль 9 августа предельно ясно выразил британскую позицию относительно Сирии в своем письме лорду хранителю печати: «Передайте Идену, чтобы он был твердым с де Голлем, Катру и “свободными французами”. Они не должны иметь свободы рук, чтобы мешать нашим отношениям с арабами. Их претензии нужно умерить, если потребуется — то и силой. Важно, чтобы они научились подчиняться. Я не представляю, как они смогут сопротивляться» [De Wailly, 2006: 407]. Иными словами, англичане очень своеобразно понимали свой отказ от политических притязаний в Сирии: они не собирались включать ее в свою империю, но отношения с лидерами будущей независимой страны собирались строить без оглядки на французов. Как видим, принципы британской политики в отношении стран Леванта, изложенные А. Иденом накануне сирийской кампании, не претерпели особых изменений после ее окончания.

¹⁴ Де Голль Ш. Указ соч. С. 226–232.

Иран: встреча старых «заклятых друзей»

Пока бои в Сирии были в самом разгаре, весь ход Второй мировой войны принял новый оборот: 22 июня Германия напала на СССР.

Известие о начале советско-германской войны вызвало у У. Черчилля, который до этого с трудом представлял себе дальнейшую борьбу один на один с Гитлером, большую радость: Британия теперь была не одна [Трухановский, 1989: 310–311]. Правда, быстрое продвижение вермахта на Восточном фронте вызывало сомнение в надежности нового союзника. Поражение СССР сделало бы обстановку для Великобритании по-настоящему критической, а исход боев во многом зависел от качества и количества вооружений у Красной армии. У. Черчилль сразу обозначил свою готовность оказать Москве всю посильную помощь, но гораздо важнее было, что Ф. Рузвельт быстро принял решение о включении Советского Союза в программу ленд-лиза. Возникал вопрос о путях доставки помощи в СССР. Помимо хорошо известных маршрутов через Мурманск и Архангельск, весьма опасных из-за захвата гитлеровцами Норвегии, был еще один путь — через Иран.

Во главе этого государства стоял человек, сам сделавший себя шагом, — Реза Пехлеви. В предшествующие годы он приложил немало усилий, чтобы модернизировать свою страну по образцу Турции. Однако иранского Атаатюрка из Реза-шаха не получилось: Иран изначально был гораздо более отсталым и бедным, а число людей, готовых поддержать реформы, — намного меньшим. К тому же если Турция традиционно была объектом борьбы множества великих держав, то за Иран соперничали только два соседа: Британская империя и Россия. То обстоятельство, что царскую империю сменило первое социалистическое государство, с точки зрения иранских властей, ничего не меняло. С Англией страну связывали концессионные соглашения о добыче нефти, а с Советами — договор 1921 г., официально позволявший советскому государству вводить войска в Иран в случае угрозы своей безопасности¹⁵.

Для того чтобы ослабить зависимость от двух старых соседей, Иран стал искать третью точку опоры и нашел ее в лице Германии. К началу войны в Иране работали около 3000 немецких технических специалистов и советников. Под прикрытием германских фирм и предприятий («АЕГ», «Бауэр», «Сименс», «Крупп», «Мерседес

¹⁵ Договор между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Персией // Исторические материалы. Доступ: <http://istmat.info/node/46893> (дата обращения: 22.06.2020).

Бенц» и др.) действовали сотни агентов германской разведки. Стронники Германии прямые ставленники спецслужб рейха занимали ключевые посты в 50 государственных учреждениях Ирана. Перед самым началом войны в страну прибыли дополнительно около 6500 немецких граждан [Оришева, 2003: 51–52]. Германия явно готовилась использовать Иран в качестве коридора на Ближний Восток после захвата советского Закавказья, что не могло не внушать беспокойство и Лондону. В свою очередь руководство СССР имело основания опасаться подрывной деятельности германской агентуры на советско-иранской границе в Закавказье и Туркмении [Салихов, 2008: 18–19].

После начала Второй мировой войны правительство Ирана заявило о своем нейтралитете и еще раз подтвердило это заявление после вторжения Германии в СССР [Голуб, 2015: 14]. Однако уже само географическое положение страны делало сохранение действительно строгого нейтралитета практически невозможным. В известном смысле иранские власти оказались заложниками развития событий на советско-германском фронте. С возможной победой Германии иранское руководство связывало ликвидацию зависимости от двух старых имперских соседей. Стремительное продвижение вермахта по территории СССР в первые недели войны, казалось, давало основание для подобных надежд. В этих условиях официальный Тегеран избрал тактику затягивания переговоров с Москвой и Лондоном, которые всё настойчивее требовали ликвидировать в стране всякое германское влияние.

Впервые вопрос об Иране возник уже 26 июня 1941 г. во время встречи А. Идена с советским послом И.М. Майским. Глава Форин Офис заявил о желательности «общей позиции» двух держав в отношении Ирана и Афганистана для ликвидации в этих странах германского влияния. Эта тема уже на следующий день была подхвачена В.М. Молотовым в беседе с британским послом С. Криппсом. 8 июля сам И.В. Сталин, принимая у себя С. Криппса, напрямую поинтересовался мнением англичан о конкретных мерах в отношении Ирана. Советский лидер считал, что действовать нужно «сейчас, так как потом это будет сделать трудно» [Голуб, 2015: 44–45].

Столь решительный настрой И.В. Сталина заставил и самих англичан выработать четкую позицию в отношении иранской проблемы. После успехов в Ираке и Сирии неподконтрольный Иран оставался последним звеном, мешавшим формированию сплошной британской сферы влияния от Египта до Индии. Именно в Иран бежали руководители антианглийского «путча» в Ираке, там же находился и злейший враг англичан — бывший муфтий Иерусалима

Хадж Амин аль-Хусейни. Военная необходимость требовала также установления прямого контроля над иранскими нефтепромыслами, которые в соответствии с концессией принадлежали Англо-Персидской нефтяной компании. В то же время появление в Иране советских войск неизбежно вело бы к усилению влияния Москвы в этой стране, что в долгосрочной перспективе никак не соответствовало интересам Британской империи. Однако такие соображения отступали на второй план по сравнению с текущими военными задачами. А. Иден и У. Черчилль были настроены решительно, горячими сторонниками совместной силовой операции были С. Криппс и генерал А. Уэйвелл, перебравшийся к тому времени из Каира в Индию на должность командующего англо-индийской армией.

Период с середины июля до середины августа прошел в напряженных дипломатических столкновениях между Великобританией и СССР, с одной стороны, и Ираном — с другой. Излагать все подробности этих переговоров здесь нет необходимости [Голуб, 2015; Eshraghi, 1984]. Главные требования союзников сводились к скорейшей высылке из страны всех граждан Германии (в том числе 80% из них — немедленно), а также к безусловному согласию шаха на транзит через территорию Ирана любых английских и советских грузов, включая военные. Тегеран неуклонно отвечал, что высылка немцев нарушила бы иранский нейтралитет. По той же причине иранское правительство возражало против транзита оружия и боеприпасов через свою территорию. С точки зрения формального международного права позиция Тегерана выглядела вполне обоснованной, но, как впоследствии признавался У. Черчилль, он в этой ситуации следовал принципу «когда грохочут пушки, законы молчат»¹⁶. Иранцам оставалось рассчитывать либо на быструю победу вермахта (премьер-министр Али Мансур 19 августа заверял германского посла Э. Эттеля, что «Иран никогда не присоединится к лагерю врагов Германии» [Голуб, 2015: 94–95]), либо на сдерживающее влияние США. Иранские дипломаты и в Вашингтоне, и в Тегеране настойчиво пытались выяснить позицию американского руководства в случае англо-советского вторжения на территорию суверенного Ирана. Ответы американцев всегда были уклончивыми, но при этом они категорически отрицали, что дали свое согласие на интервенцию [Юнгблуд и др., 2010: 82–83]. Это, однако, не отменяло их молчаливого одобрения и отказа от любого заступничества за Тегеран перед Лондоном и Москвой.

¹⁶Черчилль У. Указ. соч. С. 223.

В августе 1941 г. Советский Союз и Великобритания фактически перешли в общении с Ираном на язык ультиматумов. Сочтя иранский ответ на очередную ноту с требованием высылки немцев неудовлетворительным, союзники приступили к военной операции. 25 августа советские войска пересекли иранскую границу со стороны Закавказья, а британские (точнее, англо-индийские) — со стороны Ирака. Чуть позже началось советское наступление из Туркмении и британское — из Индии. Иранские части в большинстве случаев беспорядочно отступали, не оказывая противодействия, лишь в отдельных местах было довольно слабое сопротивление. В военной операции участвовали корабли Каспийской флотилии и британской эскадры в Персидском заливе. Через четыре дня правительство Али Мансура пало, и шах отдал приказ прекратить огонь. Иранская армия как боевая единица практически рассыпалась. Советские войска в ходе операции потеряли только 40 человек убитыми [Голуб, 2015: 114], а британские — 22¹⁷. Вскоре армии союзников встретились в окрестностях Тегерана, а 17 сентября они без боя на один день вступили в иранскую столицу. Эта акция носила уже скорее символический характер: еще 8 сентября Иран подписал продиктованное союзниками соглашение об урегулировании конфликта, пообещав немедленно выслать всех немцев и разрешить свободный транзит любых грузов через свою территорию. Важнейшие стратегические пункты и линии коммуникаций были теперь под англо-советским контролем. Под давлением союзников Реза-шах отрекся от престола и был выслан в Южную Африку. Трон занял его сын Мухаммед Реза, во всем покорный Лондону и Москве. Две державы поделили Иран на оккупационные зоны, фактически — на сферы влияния. По Трансиранской железной дороге от Персидского залива к Каспию, а также по автомобильным дорогам потекла союзная помощь. Для обеспечения доставки грузов американцы отправили в Иран специалистов по снабжению и военных водителей — они стали первыми американскими военнослужащими, оказавшимися на Среднем Востоке [Destremau, 2011: 327–328]. 29 января 1942 г. был заключен трехсторонний англо-советско-иранский договор, который закреплял итоги конфликта и конкретизировал обязательства Тегерана по отношению к союзникам на период войны¹⁸. Вместе с тем две державы гарантировали на будущее территориальную целостность

¹⁷ Там же.

¹⁸ Англо-советско-иранский договор о союзе // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: В 3 т. Т. 1. М., 1944. С. 217–221.

и суверенитет Ирана. Как известно, проблема выполнения этих обязательств впоследствии спровоцировала один из первых кризисов «холодной войны».

Конец года: удар выдержан

Летом и осенью 1941 г. судьба Ближнего Востока решалась вдалеке от него — на советско-германском фронте. Мало кто сомневался, что в случае победы А. Гитлера над СССР именно Ближний Восток станет его следующей целью. Советское Закавказье представляло собой прекрасный плацдарм для этого. В британской прессе упорно ходили слухи, что еще до победы на Восточном фронте фюрер намерен предпринять наступление через Турцию, чтобы выйти в тыл советских войск в Закавказье и одновременно получить доступ к Ближнему Востоку. Как бы то ни было, создавалась реальная угроза, что британские позиции в регионе будут атакованы не только с юга — из Ливии, но и с Севера — со стороны Кавказа. Так, французский генерал, отвечавший осенью 1941 г. за эвакуацию вишистских войск из Сирии и Ливана на родину, в своем донесении командованию высказывал предположение, что ему, возможно, не придется покинуть Левант и он увидит, как перед лицом наступающих с севера немцев англичане уберутся из Сирии так же быстро, как вошли [Грак, 1984: 119]. В те же дни английские войска в Иране «были заняты на строительстве оборонительных сооружений для защиты от возможного вторжения германских армий из Турции или с Кавказа и готовились к принятию крупных подкреплений, которые должны были прибыть в случае, если бы такое вторжение оказалось неминуемым»¹⁹. Британские позиции на Ближнем Востоке могли быть захвачены в огромные германские «клещи» от Кавказа до Египта. Для того чтобы избежать такой перспективы, англичане решили нанести упреждающий удар.

18 ноября 1941 г. началось новое наступление британских войск в Северной Африке — операция «Крестоносец». Возглавлял ее новый командующий британскими войсками на Ближнем Востоке генерал К. Окинлек. Первоначальные успехи англичан были впечатляющими: они деблокировали Тобрук, 24 декабря вступили в Бенгази и двинулись дальше на запад, остановившись у Эль-Агейлы на стыке Киренаики и Триполитании — примерно там, откуда Э. Роммель начинал свое наступление весной. Это происходило одновременно

¹⁹Черчилль У. Указ. соч. С. 225.

с советским контрнаступлением под Москвой, что имело большое морально-психологическое значение. Мир впервые увидел, что германские армии вовсе не так непобедимы, как хотели казаться. Тем не менее в разгар боев в Ливии британцы серьезно готовились к открытию Северного фронта на Ближнем Востоке или на Кавказе. Это было возможно в случае либо поражения Советского Союза, либо даже просто прорыва немцев на южном фланге советско-германского фронта. В сентябре 1941 г. генерал А. Уэйвелл обсуждал с советскими коллегами в Тбилиси планы совместной обороны на Кавказе, и в то же время британский Генштаб подсчитывал, какую помощь он сможет выделить Турции в случае германского вторжения через Кавказ или Балканы [Tamkin, 2008: 317–320].

После относительного успеха операции «Крестоносец» дальнейшие планы англичан включали наступление на Триполитанию, окончательный разгром Э. Роммеля и выход к границам Туниса — к непосредственному соприкосновению с французской армией в Северной Африке (ее возглавлял генерал М. Вейган, которого англичане надеялись склонить на свою сторону). Но этим планам не суждено было сбыться: в ноябре 1941 г. немцы добились от Ф. Петена отставки М. Вейгана. В то же время остановка К. Окинлека у Эль-Агейлы дала Э. Роммелю необходимое время для передышки и пополнения своего корпуса, а англичане не могли уже направлять на Ближний Восток новые подкрепления. Вступление 17 декабря Японии в войну неизбежно привело к оттоку сил Британской империи на Дальний Восток. Надежды на вступление в войну Турции в этой ситуации приобрели новый оттенок: фактически англичанам приходилось просить Анкару о помощи. При этом, очевидно, Великобритания не могла предложить туркам никакой существенной поддержки и лишь надеялась задержать вермахт на естественном рубеже Тавра. Основная часть турецкой территории, таким образом, заранее приносилась англичанами «в жертву». Для Турции это был более чем убедительный мотив любой ценой оставаться в стороне от войны [Tamkin, 2008: 320–323].

Германское контрнаступление в Северной Африке, начавшееся 21 января 1942 г., обернулось одним из крупнейших поражений Великобритании в ее военной истории. В то же время успехи Красной армии под Москвой, вопреки первоначальным завышенным ожиданиям, не привели к перелому в войне. Впереди еще были Сталинград и Кавказ, Эль-Аламейн и Тунис.

Таким образом, в течение 1941 г. англичанам удалось практически полностью нейтрализовать реальное или вымышленное германское

влияние сразу в трех мусульманских странах. Оставалась Турция, но с ней такие грубые методы не годились.

Положение Турции накануне и в начале Второй мировой войны можно признать уникальным. В экономике страны абсолютно доминировала Германия, на нее приходилось три четверти турецкой внешней торговли, осуществлявшейся на основе клиринга. Германия была главным поставщиком промышленных товаров, машин и вооружений. Из Турции в рейх шли сельскохозяйственные товары и стратегическое сырье, прежде всего медь. В то же время турецкая хромовая руда, в поставках которой на европейские рынки Турция была почти монополистом, по условиям особого англо-франко-турецкого соглашения с января 1940 и до конца 1942 г. направлялась только противникам Германии (французская доля впоследствии перешла к США)²⁰. Кроме того, главную угрозу своей безопасности Анкара видела в Италии — ближайшем союзнике Берлина, поэтому политические симпатии турецкого руководства были всецело на стороне Великобритании, что и выразилось в подписании англо-франко-турецкого договора о взаимопомощи 19 октября 1939 г.²¹ Однако разгром Франции внес в обстановку серьезные коррективы: Италия 10 июня 1940 г. вступила в войну, что являлось *casus foederis* по условиям договора, но Турция уклонилась от своих обязательств, поскольку в тот момент поражение французов было уже очевидно, а договор 1939 г. обязывал Анкару вступить в войну в союзе с двумя великими державами, а не с одной Великобританией. Официальный Лондон не стал протестовать против такого поведения Анкары. Весной и летом 1941 г. войска враждующих сторон вплотную приблизились к границам Турции: германские — со стороны Греции и Болгарии, английские — со стороны Сирии и Ирака. Успехи Э. Роммеля в Северной Африке убедили турецкое руководство в опасности любых недружественных действий по отношению к Германии, поэтому оно предпочло перестраховаться: 18 июня 1941 г. был заключен турецко-германский договор о ненападении [Корхмазян, 1977: 82–90]. Осторожные турки добились включения в него статьи о том, что он ни в чем не противоречил «существующим

²⁰ Поставки турецкого хрома в Германию осуществлялись только с января 1943 г. по апрель 1944 г., после чего были полностью прекращены по требованию стран антигитлеровской коалиции. Подробнее см.: Корхмазян Р.С. Турецко-германские отношения в годы Второй мировой войны. Ереван, 1977. С. 46, 108–109, 139–140, 163.

²¹ Treaty of mutual assistance between Great Britain, France and Turkey. October 19, 1939 // The major international treaties of the twentieth century: A history and guide with texts / Ed. by J.A.S. Grenville, B. Wasserstein. London; New York: Routledge, 2001. P. 232.

обязательствам» Анкары, имея в виду не только договор в Великобритании от 1939 г., но и договор с СССР о дружбе и нейтралитете, подписанный еще в 1925 г.²²

В ходе войны между враждующими державами разгорелась борьба за влияние в Турции — она превратилась едва ли не в главный центр международных интриг и шпионажа. Несомненно, существовали в стране и прогерманская, и антигерманская группировки, но практическим результатом их противостояния оставался более или менее строгий нейтралитет. В 1941 г., находясь между враждующими армиями, Турция отказывалась предоставлять свою территорию для снабжения войск всех сторон: английских, германских и французских (вишистских), хотя такие запросы постоянно поступали. Великобритания, не имея ни возможности, ни, впрочем, и желания полностью подчинить Турцию своему влиянию, настаивала лишь на том, чтобы турецкая территория не стала для Лондона источником новой угрозы. Само географическое положение Турции превращало ее в буфер между враждующими коалициями на стыке Европы, Кавказа и Ближнего Востока. В ситуации глобального конфликта для самой республики такое положение, несомненно, было «наименьшим из зол». Активное участие в войне на любой стороне не могло принести ей ничего, кроме разрушений и жертв, поэтому руководители Турции на всем протяжении конфликта проявляли чудеса дипломатической изворотливости, чтобы сохранить нейтралитет. Англичане в итоге отнеслись к этой ситуации с пониманием.

* * *

Таким образом, британские вооруженные силы на фоне серьезных поражений в Северной Африке и Греции за несколько месяцев, с апреля по сентябрь 1941 г., провели три военные кампании, в которых их противниками были не страны «оси», а силы, до того времени не принимавшие участия в войне: французская мандатная администрация в Ливане и Сирии, а также правительства двух нейтральных государств региона — Ирака и Ирана. Можно сказать, что в результате этих операций на период войны был создан своеобразный «временный режим» британского доминирования на Ближнем Востоке. Этот режим опирался прежде всего на присутствие значительных контингентов войск Британской империи в

²² Договор о дружбе и нейтралитете между Союзом ССР и Турцией, заключенный в Париже (17 декабря) // Внешняя политика СССР: Сборник документов: В 6 т. Т. 3. 1925–1934 гг. М., 1945. С. 32.

Иране, Ираке, Сирии, Ливане и Египте, не говоря уже о Палестине и Трансиордании, но имел и формально-юридическое закрепление: довоенные документы (мандат на Палестину и Трансиорданию и договор с Трансиорданией от 1928 г., договоры с Ираком от 1930 г. и с Египтом от 1936 г.) дополнялись договоренностями, которые стали результатом силовых операций 1941 г. (соглашение Ш. де Голля — О. Литтлтона по Сирии и англо-советско-иранское соглашение от 29 января 1942 г.).

Все это, однако, еще не гарантировало утверждения в регионе безраздельного британского влияния. Сирия и Ливан оставались номинально французскими территориям, и до самого конца войны в этих странах продолжалось острое англо-французское соперничество, в ходе которого Великобритания всячески поддерживала стремление местных политических лидеров к независимости. В 1943 и 1945 гг. это приводило к серьезным кризисам в англо-французских отношениях. В Ираке сил дислоцированной там англо-индийской армии едва хватало на поддержание внутреннего порядка, а правительство Нури Саида, вернувшееся к власти на английских штыках, было крайне непопулярно. В Иране германские агенты не только остались, но и, уйдя в подполье, смогли организовать настоящую диверсионную войну, используя для этого некоторые местные племена. Советское военное присутствие на севере Ирана делало крайне маловероятным «самоустранение» Москвы от иранских дел после войны, а наличие в стране большого числа американцев, обеспечивавших поставки по иранскому маршруту ленд-лиза, создавало условия для того, чтобы именно США в дальнейшем стали для Тегерана долгожданным «третьим партнером». В этом смысле события 1941 г. ни в коей мере не предопределяли дальнейшую судьбу Ближнего Востока, они лишь подготавливали почву для новых процессов, развернувшихся в регионе уже после войны, когда расклад сил в мире коренным образом изменился.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабинцев В.А. Англо-франко-турецкий пакт от 19 октября 1939 г. // Балканы и Ближний Восток в новейшее время. Вып. 5. Свердловск, 1976. С. 42–61.
2. Гасанлы Дж. СССР–Иран. Азербайджанский кризис и начало холодной войны. М.: Герои отечества, 2006.
3. Гасанлы Дж. СССР–Турция. От нейтралитета к холодной войне (1939–1953). М.: Центр Пропаганды, 2008.

4. Голуб Ю.Г. Иран в фокусе политики великих держав. 1941–1943. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2015.
5. Грак В.Н. Борьба движения «Свободная Франция» за «Армию Леванта» (июль–сент. 1941) // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке, 1932–1945. Свердловск, 1984. С. 104–122.
6. Грак В.Н. Политика Германии на Ближнем Востоке в период Второй мировой войны (декабрь 1940 — апрель 1941 г.) // Международные отношения в новейшее время. Свердловск, 1972. С. 157–175.
7. Грак В.Н. Франко-германское сотрудничество на Ближнем Востоке в период англо-германского вооруженного конфликта // Балканы и Ближний Восток в новейшее время. Свердловск, 1973. С. 120–140.
8. Дашичев В.И. Стратегия Гитлера. Путь к катастрофе. 1933–1945. Исторические очерки, документы и материалы: В 4 т. Т. 3. М.: Наука, 2005.
9. Климентов В.П. Переворот 1 апреля 1941 г. в Ираке и Тридцатидневная война // Восток/Oriens. Афро-азиатские общества: история и современность. 2001. № 3. С. 49–51.
10. Корхмязян Р.С. Турецко-германские отношения в годы Второй мировой войны. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1977.
11. Мирский Г.И. Ирак в смутное время: 1930–1941. М.; Л., 1961.
12. Оганесян Н.О. Образование независимой Сирийской республики (1939–1946). М.: Наука, 1968.
13. Оришева А.Б. «Победит тот, кто будет владеть Востоком». Из дневника германского разведчика Ф. Майера. Иран. 1941–1942. Вступительная статья // Отечественные архивы. 2003. № 3. С. 51–56.
14. Салихов А.Ш. Красная армия в Иране. 1941–1944 г. // Военно-исторический журнал. 2008. № 3. С. 17–21.
15. Туманян Т.Г. Ирак в системе международных отношений на Ближнем Востоке. 1921–1941: Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1996.
16. Фуллер Дж.Ф.С. Вторая мировая война 1939–1945 гг. Стратегический и тактический обзор. М.: Воениздат, 1956.
17. Чевтаев А.Г. Миссия Идена на Ближний Восток и Балканы весной 1941 г. // Балканы и Ближний Восток в новейшее время. Вып. 10. Свердловск, 1982. С. 79–104.
18. Чевтаев А.Г. Политика Англии в Восточном Средиземноморье летом и осенью 1941 г. // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке, 1932–1945. Свердловск, 1984. С. 123–138.
19. Чевтаев А.Г. Политика Англии в Восточном Средиземноморье накануне нападения Германии на Советский Союз (апель–июнь, 1941) // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. Свердловск, 1983. С. 134–150.
20. Чевтаев А.Г. Разработка Англией и Германией планов военно-политической борьбы в Восточном Средиземноморье (июль–сентябрь 1940 г.) // Балканы и Ближний Восток в новейшее время. Вып. 8. Свердловск, 1979. С. 72–89.

21. Чемпалов И.Н. Присоединение Болгарии к Тройственному пакту и позиция великих держав // Балканы и Ближний Восток накануне и в начале второй мировой войны. Свердловск, 1968. С. 56–174.

22. Шерстюков С.А. «Арабский вопрос» во внешней политике Третьего рейха. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014.

23. Юнгблюд В.Т., Чукалов А.В. США и ввод англо-советских войск в Иран в августе 1941 г. // США и Канада. Экономика, политика, культура. 2010. № 4. С. 81–92.

24. Barr J. A line in the sand. Britain, France and the struggle that shaped the Middle East. London; New York: Simon and Schuster, 2011.

25. Beaumont J. Great Britain and the rights of neutral countries: The case of Iran, 1941 // Journal of Contemporary History. 1981. Vol. 16. No. 1. P. 213–222.

26. Bou Assi M. La crise libanaise de 1941 ou la bataille de Levant // Les chemins de la décolonisation de l'empire français. Colloque organisé par l'Institut du Temps Present, 4–5 oct. 1984. Paris: Editions du CNRS, 1986. P. 307–323.

27. Cox L.G. The background to the Syrian campaign, May-June 1941: A study in Franco-German wartime relations // History. 1987. Vol. 72. No. 236. P. 432–452.

28. De Wally H. Syrie 1941. La guerre occultée. Vichystes contre Gaullistes. Paris: Perrin, 2006.

29. Destremau Ch. Le Moyen Orient pendant la Seconde guerre mondiale. Paris: Perrin, 2011.

30. Eshraghi F. Anglo-Soviet occupation of Iran in August 1941 // Middle Eastern Studies. 1984. Vol. 20. No. 1. P. 27–52

31. Gaunson A.B. Anglo-French clash in Lebanon and Syria. 1940–1945. London, 1987.

32. Gislain de Bontin G. La crise de Syrie (1941) // Les armées françaises pendant la Seconde guerre mondiale. 1939–1945. Colloque international. École nationale supérieure de techniques avancées. Paris, du 7 au 10 mai 1985. Paris, 1985.

33. Khoury Ph. S. Syria and the French mandate. The politics of Arab nationalism. 1920–1945. London, 1987.

34. Kozhanov N.A. The pretexts and reasons for the Allied invasion of Iran in 1941 // Iranian Studies. 2012. Vol. 45. No. 4. P. 479–497. DOI: 10.1080/00210862.2012.673827.

35. Lenczowski G. Russia and the West in Iran, 1918–1948. A study in big-power rivalry. Ithaca–New York, 1949.

36. Motadel D. Islam and Nazi Germany's war. London, 2014.

37. Olmert Y. Britain, Turkey and the Levant question during the Second World War // Middle Eastern Studies. 1987. Vol. 23. No. 4. P. 437–452.

38. Tamkin N. Britain, Middle East and the 'Northern Front', 1941–1942 // War in History. 2008. Vol. 15. No. 3. P. 314–336.

39. Zamir M. De Gaulle and the question of Syria and Lebanon during the Second World War: Part I // Middle Eastern Studies. 2007. Vol. 43. No. 5. P. 675–708.

A.M. Fomin

**BRITISH POLICY AND STRATEGY
IN THE MIDDLE EAST IN 1941:
THREE WARS ‘EAST OF SUEZ’**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

After the defeat of France in the summer of 1940, Great Britain was left face to face with the Nazi Germany. It managed to endure the first act of the ‘Battle of Britain’, but could not wage a full-scale war on the continent. Under these conditions, the defense of the British positions in the Mediterranean and in the Middle East became a top priority for W. Churchill’s cabinet. The author examines three episodes of Great Britain’s struggle for the Middle East in 1941 (Iraq, Syria, Iran), framing them into the general logic of the German-British confrontation during this period.

The author emphasizes that potential assertion of German hegemony in the Middle East could have made the defense of Suez almost impossible, as well as the communication with India, and would have provided the Reich with an access to almost inexhaustible supplies of fuel. Widespread anti-British sentiments on the part of the local political and military elites could contribute greatly to the realization of such, catastrophic for Britain, scenario. Under these circumstances, the British government decided to capture the initiative. The paper examines the British military operations in Iraq and Syria. Special attention is paid to the complex dynamics of relations of the British cabinet with the Vichy regime and the Free France movement. As the author notes, the sharpest disagreements aroused on the future of Syria and Lebanon, and the prospects of granting them independence. In the Iran’s case, the necessity of harmonizing policies with the Soviet Union came to the fore. The growing German influence in the region, as well as the need to establish a new route for Lend-Lease aid to the USSR, fostered mutual understanding. After the joint Anglo-Soviet military operation in August-September 1941, Iran was divided into occupation zones. Finally, the paper examines the UK position with regard to the neutrality of Turkey. The author concludes that all these military operations led to the creation of a ‘temporary regime’ of the British domination in the Middle East. However, the Anglo-French and Anglo-Soviet rivalries had not disappeared and, compounded by the growing US presence in the region, laid basis for new conflicts in the post-war period.

Keywords: World War II, Great Britain, the Middle East, Iraq, Syria, Iran, W. Churchill, C. de Gaulle, Vichy, Free France, Lend-Lease, colonialism, neutrality.

About the author: *Aleksandr M. Fomin* — PhD (History), Associate Professor at the Chair of Modern and Contemporary History, School of History, Lomonosov Moscow State University (e-mail: almif@list.ru).

REFERENCES

1. Babintsev V.A. 1976. Anglo-franko-turetskii pakt ot 19 oktyabrya 1939 g. [The Anglo-French-Turkish treaty of October 19, 1939]. In *Balkani i Blizhnii Vostok v noveyshee vremya* [The Balkans and the Middle East in modern times]. Pp. 42–61. (In Russ.)
2. Gasanly Dzh. 2006. *SSSR — Iran. Azerbaydzhanskii krizis i nachalo kholodnoi voiny* [USSR — Iran. Azerbaijani crisis and the beginning of the Cold War]. Moscow, 'Geroi otechestva' Publ. (In Russ.)
3. Gasanly Dzh. 2008. *SSSR — Turtsiya. Ot neytraliteta k kholodnoi voine (1939 — 1953)* [USSR — Turkey. From neutrality to the Cold War (1939–1953)]. Moscow, 'Tsentr Propagandy' Publ. (In Russ.)
4. Golub Yu. G. 2015. *Iran v fokuse politiki velikikh derzhav. 1941–1943* [Iran in the focus of Great Power politics. 1941–1943]. Saratov, Izd-vo Saratovskogo un-ta Publ. (In Russ.)
5. Grak V.N. 1984. Bor'ba dvizheniya 'Svobodnaya Frantsiya' za 'Armiyu Levanta' (iyul' — sent. 1941). [The struggle of the 'Free France' movement for the 'Army of the Levant' (July — September 1941)]. In *Politika velikikh derzhav na Balkanakh i Blizhnem Vostoke, 1932–1945* [Great powers' policy in the Balkans and the Middle East]. Sverdlovsk, pp. 104–122. (In Russ.)
6. Grak V.N. 1972. Politika Germanii na Blizhnem Vostoke v period Vtoroy mirovoi voyny (dekabr' 1940 — aprel' 1941 gg. [German policy in the Middle East during the Second World War (December 1940 — April 1941)]. In *Mezhdunarodnyye otnosheniya v noveishee vremya* [International relations in contemporary times]. Sverdlovsk, pp. 157–175. (In Russ.)
7. Grak V.N. 1973. Franko-germanskoe sotrudnichestvo na Blizhnem Vostoke v period anglo-germanskogo vooruzhennogo konflikta [Franco-German cooperation in the Middle East during the Anglo-German armed conflict]. In *Balkani i Blizhnii Vostok v noveyshee vremya* [The Balkans and the Middle East in contemporary times]. Sverdlovsk, pp. 120–140. (In Russ.)
8. Dashichev V.I. 2005. *Strategiya Gitlera. Put' k katastrofe. 1933–1945. Istoricheskie ocherki, dokumenty i materialy. T. 3.* [Hitler's strategy. The path to disaster. 1933–1945. Historical essays, documents and materials. Vol. 3]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
9. Klimentov V.P. 2001. Perevorot 1 aprelya 1941 g. v Irake i Tridtsatidnevnyaya vojna [1941 Iraqi coup d'état and the Thirty Day War]. *Vostok / Oriens. Afroaziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*, no. 3, pp. 49–51. (In Russ.)
10. Korkhmazyan R. S. 1977. *Turetsko-germanskije otnosheniya v gody Vtoroi mirovoi voyny* [Turkish-German relations during the Second World War]. Yerevan, Izd-vo AN Arm. SSR Publ.
11. Mirskiy G.I. 1961. *Irak v smutnoe vremya: 1930–1941* [Iraq in the time of troubles: 1930–1941]. Moscow, Leningrad. (In Russ.)
12. Oganesyanyan N.O. 1968. *Obrazovanie nezavisimoi Siriyskoi respubliki (1939–1946)* [The establishment of an independent Syrian republic (1939–1946)]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

13. Orisheva A.B. 2003. 'Pobedit tot, kto budet vladet' Vostokom'. Iz dnevnikha germanskogo razvedchika F. Mayyera. Iran. 1941–1942. Vstupitel'naya stat'ya ['The one who owns the East will win'. From the diary of the German intelligence officer F. Mayer. Iran. 1941–1942. Introductory article]. *Otechestvennyye arkhivy*, no. 3, pp. 51–56. (In Russ.)
14. Salikhov A.Sh. 2008. Krasnaya Armiya v Irane. 1941–1944 g. [Red Army in Iran. 1941–1944]. *Voyenno-istoricheskii zhurnal*, no. 3, pp. 17–21. (In Russ.)
15. Tumanyan T.G. 1996. *Irak v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii na Blizhnem Vostoke. 1921–1941*. [Iraq in the system of international relations in the Middle East. 1921–1941. PhD Thesis]. Saint-Petersburg. (In Russ.)
16. Fuller J.F.C. 1948. The Second World War. 1939–1945. A strategical and tactical history. [Rus ed.: Fuller J.F.S. 1956. *Vtoraya mirovaya voyna 1939–1945 gg. Strategicheskii i takticheskii obzor*. Moscow, Izd-vo inostrannoy literatury Publ.]. (In Russ.)
17. Chevtaev A.G. 1982. Missiya Idena na Blizhniy Vostok i Balkany vesnoi 1941 g. [Eden's mission to the Middle East and the Balkans in the Spring of 1941]. In *Balkany i Blizhnii Vostok v noveyshee vremya* [The Balkans and the Middle East in contemporary times]. Sverdlovsk, pp. 79–104. (In Russ.)
18. Chevtaev A.G. 1984. Politika Anglii v Vostochnom Sredizemnomor'e letom i osen'yu 1941 g. [The policy of England in the Eastern Mediterranean in the summer and autumn of 1941]. In *Politika velikikh derzhav na Balkanakh i Blizhnem Vostoke, 1932–1945*. [Great powers' policy in the Balkans and the Middle East, 1932–1945]. Sverdlovsk, pp. 123–138. (In Russ.)
19. Chevtaev A.G. 1983. Politika Anglii v Vostochnom Sredizemnomor'e nakanune napadeniya Germanii na Sovetskiy Soyuz (apel' — iyun', 1941) [The policy of England in the Eastern Mediterranean on the eve of the German attack on the Soviet Union (April — June 1941)]. In *Politika velikikh derzhav na Balkanakh i Blizhnem Vostoke v noveishee vremya* [Great powers' policy in the Balkans and the Middle East in contemporary times]. Sverdlovsk, pp. 134–150. (In Russ.)
20. Chevtaev A.G. 1979. Razrabotka Anglii i Germaniei planov voyenno-politicheskoi bor'by v Vostochnom Sredizemnomor'e (iyul' — sentyabr' 1940 g.) [The development of plans for military and political struggle in the Eastern Mediterranean by England and Germany (July — September 1940)]. In *Balkany i Blizhnii Vostok v noveyshee vremya vremya* [The Balkans and the Middle East in contemporary times]. Sverdlovsk, pp. 72–89. (In Russ.)
21. Chempalov I.N. 1968. Prisoyedinenie Bolgarii k Troistvennomu paktu i pozitsiya velikikh derzhav [Bulgaria accession to the Tripartite Pact and the position of the Great Powers]. In *Balkany i Blizhniy Vostok nakanune i v nachale vtoroi mirovoi voyny* [The Balkans and the Middle East on the eve of the Second World War]. Sverdlovsk, pp. 56–174. (In Russ.)
22. Sherstyukov S. A. 2014. 'Arabskii vopros' vo vneshnei politike Tret'ego reikha ['The Arab question' in the foreign policy of the Third Reich]. Barnaul, Izd-vo Alt. un-ta Publ. (In Russ.)

23. Yungblyud V.T., Chukalov A.V. 2010. SShA i vvod anglo-sovetskikh voisk v Iran v avguste 1941g. [The United States and the Anglo-Soviet invasion of Iran in August 1941]. *USA & Canada: Economics, politics, culture*, no. 4, pp. 81–92. (In Russ.)
24. Barr J. 2011. *A line in the sand. Britain, France and the struggle that shaped the Middle East*. London, New York, Simon and Schuster.
25. Beaumont J. 1981. Great Britain and the rights of neutral countries: The case of Iran, 1941. *Journal of Contemporary History*, vol. 16, no. 1, pp. 213–222.
26. Bou Assi M. 1986. La crise libanaise de 1941 ou la bataille de Levant. In *Les chemins de la décolonisation de l'empire français*. Colloque organisé par l'Institut du Temps Ptesent, 4–5 oct. 1984. Paris, Editions du CNRC, pp. 307–323.
27. Cox L.G. 1987. The background to the Syrian campaign, May–June 1941: A study in Franco-German wartime relations. *History*, vol. 72, no. 236, pp. 432–452.
28. De Wally H. 2006. *Syrie 1941. La guerre occultée. Vichystes contre Gaullistes*. Paris, Perrin.
29. Destremau Ch. 2011. *Le Moyen Orient pendant la Seconde guerre mondiale*. Paris, Perrin.
30. Eshraghi F. 1984. Anglo-Soviet occupation of Iran in August 1941. *Middle Eastern Studies*, vol. 20, no. 1, pp. 27–52.
31. Gaunson A.B. 1987. *Anglo-French clash in Lebanon and Syria. 1940–1945*. L., Palgrave Macmillan.
32. Gislain de Bontin G. 1985. La crise de Syrie (1941). In *Les armées françaises pendant la Seconde guerre mondiale. 1939–1945*. Colloque international. Paris, École nationale supérieure de techniques avancées.
33. Khoury Ph.S. 1987. *Syria and the French Mandate. The politics of Arab nationalism. 1920–1945*. London, Princeton University Press.
34. Kozhanov N.A. 2012. The pretexts and reasons for the Allied invasion of Iran in 1941. *Iranian Studies*, vol. 45, no. 4, pp. 479–497. DOI: 10.1080/00210862.2012.673827.
35. Lenczowski G. 1949. *Russia and the West in Iran, 1918–1948. A study in big-power rivalry*. Ithaca–New York.
36. Motadel D. 2014. *Islam and Nazi Germany's war*. Cambridge, London.
37. Olmert Y. 1987. Britain, Turkey and the Levant question during the Second World War. *Middle Eastern Studies*, vol. 23, no. 4, pp. 437–452.
38. Tamkin N. 2008. Britain, Middle East and the 'Northern front', 1941–1942. *War in History*, vol. 15, no. 3, pp. 314–336.
39. Zamir M. 2007. De Gaulle and the question of Syria and Lebanon during the Second World War: Part I. *Middle Eastern Studies*, vol. 43, no. 5, pp. 675–708.